

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ

ПОВЕСТЬ-ПРИТЧА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У Синь наконец-то вернулся домой. Пять лет службы на чужбине, пять лет! И вот — во всем своем великолепии весна возвращения. Все цело, благоухало. От запаха буйной зелени слегка кружилась голова.

Постаревшие родители, возмужавшие сестра с братом радостно встретили его. До поздней ночи сидели за разговорами, наговориться не могли. Столько накопилось за эти годы! Деревенских новостей было великое множество. Кто умер, у кого дети родились, у кого свадьба. Из сверстников и на год — на два младше-старше кто куда подался, кого призвали, как в свое время и его, на службу, кого на принудительные работы.

Между новостями родные, гордые его успехами, расспрашивали о службе, о заставе, каким чудом он попал в ряды пограничников — недостижимой элиты армии.

Он рассказал о генерале Дин Хуне, его преемнике Инь Си, великом мудреце Лао-Цзы и, конечно, же о своем самом близком друге Дин Лю. О заставе Саньгуань, защите крепости, о поездке в Хунские степи.

Тут впервые осенило его странное щемящее чувство утраты или сожаления по утраченному. Вначале он не мог понять, что это. Теперь издалека все

ЛУГИНОВ Николай Алексеевич — народный писатель Якутии, родился в 1948 году. Окончил физико-математический факультет Якутского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Секретарь правления Союза писателей России, член Президентского Совета Республики Саха (Якутия). Автор повестей “Роца Нуоралджыма”, “Песня белых журавлей”, “Дом над речкой”, рассказов и пьес. Живёт в Якутске.

показалось иначе. Намного лучше, даже возвышеннее, чем было на самом деле. А застава Саньгуань, если вдуматься всерьез, была, оказывается, обителью избранных. А он, каким-то чудом допущенный туда, взял и бросил все, ушел в никуда. Как его уговаривал остаться Инь Си! Водил с собой в какую-то темную комнату, в которой У Синь ничего не понял.

Впервые в душе зашевелилось пока еще легкое, не осознанное до конца подобие сожаления об отказе от службы. Он очень удивился, ведь служба казалась ему настолько принудительной и нежеланной, что и думать о ее продолжении тогда показалось бы дико.

* * *

Назавтра, прямо с утра У Синь впрягся в весенние полевые работы. Ремонтировали регулируемые заливные поля на горных террасах. Чтобы укрепить их, таскали землю, камень и песок. Работа тяжелая и грязная, но необходимая. Затем, как только подготовили поля, настала пора сажать рис, бобы и еще много чего. Постоянно требовалось напрягаться из последних сил, чтобы успеть: то орошение террас, то спуск воды, то борьба с сорняками. Так продолжалось до первого урожая. Собрали его, но передышки не получилось, надо было начинать новый цикл.

Год выдался удачный, трехурожайный. В разгаре сбора третьего к У Синю приехал друг Дин Лю, получивший отпуск. Радости встречи однополчан предела не было. Но поджимали работы, и Дин Лю принялся помогать.

Говорили на ходу. Если у Дин Лю, выбравшего судьбу служивого, впереди все было ясно, то будущее У Синя было в сумерках. Он еще ничего не успел обдумать. Пришлось рассказывать другу небылицы о том, что решил готовиться сдавать экзамены на чиновничью службу. А что оставалось делать? Говорить о том, что останется тут и всю жизнь посвятит беспросветному крестьянскому труду, он не мог. Было ясно только, что жить так, как живут родители, он не хотел.

После отъезда друга наступили слякотные осенние дни, постепенно перешедшие к зимним. Народ праздновал завершение урожая, радовался, что удалось рассчитаться с долгами и налогами.

У Синь представил свое будущее в этой родной среде и ужаснулся. Вот он скоро женится, заведет свой дом, получит надел, народит детей. Чтобы кормить семью, надо будет всегда вот так надрываться из последних сил. Если, не дай Бог, наступит неурожай, за неуплату налога отнимут сына...

* * *

Истинная суть китайских праздников долгое время оставалась недоступной для хуннов. Медленно вживались они в китайскую среду. Живя не первый век вместе, бок о бок, хунны не понимали главного содержания этих праздников. А оно исходило из того, что жизнь китайского крестьянина была строго зависима от времен года: зима — лето, весна — осень. Большинство праздников обычно приурочивались к зимнему времени. Широта и роскошь этих праздников поражали воображение. В этих праздниках человек вдоволь наслаждался тем, что в обычное время было ему недоступно. Это было обилие всякого изыска, еды, танцев, украшений, гостеваний, разговоров, вообще отдохновения души и тела.

Китаец за эти праздничные дни как бы насыщался всем, о чем, может быть, мечтал целый год. Это было одним из главных источников его долго-терпеливого характера, выносливости и покорности.

Для хуннов же было непонятно даже временное раскрепощение. За многие века они, народ, живущий в суровых степных и горных условиях, почти никогда не расставались с оружием, днем и ночью были начеку. Что касается праздников, вольная жизнь хунна длилась круглый год. Постоянно кочевья, новые открытия, новые просторы давали радость разнообразия впечатлений.

Отсюда была их нетерпимость ко всякого рода ограничениям и запретам, к проявлению малейшего намека посягательства на свободу.

Китайские же законы исходили из требований хозяйственных, бытовых и государственных. Они часто противоречили даже традициям, но народ, проявляя терпение и покорность, подчинялся. Конечно, во всяком деле есть своя мера, своя граница, перейти которую ни в коем случае нельзя, не часто, но бывало, когда оборзевшие чиновники на местах, надеясь на безмерное терпение подданных, доводили их до крайнего состояния — до бунта. У Синь, однажды бывший свидетелем такого бунта, заметил, что бунт чем-то неуловимо напоминал праздничное состояние. Чем именно? Этого ему не понять. Скорее всего, видимо, прежде всего тем, что в этот краткий период зажатый всякими ограничениями, загнанный нуждой несчастный человек наконец-то пытался выпрямиться.

Но это было печальное зрелище.

* * *

Хотя У Синь ничем внешне не проявил свое внутреннее смятение, все же мать каким-то образом чувствовала назревающее в нем решение уйти. Но куда? Она переживала, но молча. Ведь из ухивших из крестьянства мало кто выживал. Большинство пропадало. А тут пусть трудная, но испытанная многими поколениями жизнь.

Еще ничего не свершилось, но мать, изо всех сил пытаясь предотвратить, как ей казалось, роковое решение сына, однажды заговорила с ним...

— Ты еще больше стал похож на отца... Ты почти настоящий китаец, я этого очень хотела, — сказала однажды мать, теребя его темные волосы.

— Но пытливые все равно угадывают во мне хуннское и сразу отстраняются. Почему так? Почему люди так боятся нас и всего хуннского?

— Видимо, потому, что наши слишком много бед свершили. Много проблем из-за нашей нетерпимости, неуступчивости. Поэтому и не доверяют. Это недоверие, возможно, сидит у них в крови, и так они поступают, даже не понимая, не вникая по глубинной памяти... Ээ, сколько мы натворили... Это только Бог и помнит.

— Но одного не пойму... Там, на окраине все, ну почти все имеют хуннскую кровь. Почему человек, более меня похожий на хунна, смотрит на меня голубоватыми глазами с таким недоверием?

— Это сложно сказать. Возможно, он сам пытается освободиться в себе от всего хуннского, которое везде торчит, мешает обыденной жизни... Вот они и буйствуют против себе подобных.

— Но почему?

— Это из области необъяснимого... Многие вещи необъяснимы, ибо корни их уходят вглубь, очень глубоко, в недосыгаемую глубину. Вот эти-то корни питают многие наши метания, странные стремления, несвойственные и часто абсурдные желания.

— Я обрублю эти корни и оторвусь от ненужных мне побуждений... Непредсказуемых, неожиданных.

— Как ты отрубишь? Многие пытались. Не получалось.

— У меня получится, — решительно заявил У Синь.

— По мне, надо просто жить. И не пытаться насильно изменять жизнь и обстоятельства. Надо смириться...— уговаривала мать.

— Смириться?! Никогда! Я буду менять свою жизнь так, как она нужна мне.

— Как, как ты собираешься тогда жить? — с тревогой спросила она.

— Пока не знаю. Но не буду жить так, как вы живете. Хватит терпеть эту нужду, эту зависимость от урожая... От прихотей начальства.

— Сынок, пойми, люди, где бы ты ни был, не могут жить без распорядителей, устроителей жизни. Куда бы ты ни попал — везде будут начальники, требующие что-то от тебя. Всегда надо будет находить с ними общий язык.

ВЫБОР ПУТИ

У Синь понял одно: надо быстрее принять решение. Иначе жизнь затянется как болото, и ты уже никогда из него не выберешься.

Уже заглядывались на него девушки на выданье. Их родители как бы незаметно стали чрезмерно учтивы. Куда это клонится, он скорее чувствовал, чем понимал. Для него это было великой опасностью. Жениться, поддавшись сложившейся ситуации, значит, обречь себя на такое же безысходное существование, какое было у родителей. Он этого решительно не хочет. Но как? Как жить дальше? Пока он отринул два пути: первое — службу на границе, где остался друг, второе — крестьянскую жизнь...

А что третье? Выбора было не так много. Да совсем не было. В нем зрело одно-единственное решение: разбогатеть и тем самым выбиться из безысходной жизни, окружавшей его.

Но каким образом это сделать?

Мать сердцем поняла, что сын уйдет из родного дома в поисках лучшей доли. Не он первый и не он последний выбирает путь, полный опасностей. Многие сгнули на этом пути. Из их деревни почти никто не достиг желаемого. Это и пугало мать. Но где-то в душе она поддерживала решение сына...

А сын чувствовал это и был безмерно благодарен матери.

Все! Надо идти! Но куда податься? Конечно же, туда, куда обращался взор, на север, в сторону бескрайних земель предков.

И вот наступило это утро. У Синь взял свою солдатскую, заранее заготовленную котомку и отправился в дорогу. Мать проводила его до околицы. Пожелала счастья. Заплакала она уже тогда, когда он решительно пошел к горизонту и не оглянулся.

Дорога привела его к переправе через реку Хуанхэ. Здесь кончалась земля государства Чжоу. Весь тот берег считался хуннским, хотя она на самом деле была нейтральной территорией, ибо хуннское кочевье простиралось досюда только во времена великих засух, когда степь превращалась в пустыню, что, слава Богу, бывало крайне редко.

Та сторона всегда славилась возможностью добыть деньги, и это манило в нее авантюристов всех мастей. Там, подальше от жестких китайских законов, царили уже иные порядки. Это была уже заграница, которая всегда тянет людей определенной породы. Типа легендарного контрабандиста Чжан Чжэня.

Для обычного же человека там нет спокойного места, где бы он мог обустроиться и жить. Там все чужое, чуждое, враждебное. Многие вещи там истолковываются совсем превратно, превращая добро в зло, порядочность в бесчестье и наоборот...

Все это так.

Но все относительно.

Особенно прельщает то, что многие вещи, невозможные здесь — там становятся доступны.

Если здесь У Синю — человеку низшего сословия, почти нет надежды вырваться из своей среды, то там это можно. Если повезет, конечно.

То, что здесь можно обрести только посредством невероятного рабского труда, потратив всю жизнь, да и то без гарантии, там можно добиться, говорят, в считанные месяцы, от силы год-два. Наверное, в таком непростом деле и риск большой, должно быть. Но игра стоит того.

ПЕРЕПРАВА

Переправа здесь действовала издревле. Видимо, в этом месте было наиболее удобное место. Сюда сходились несколько крупных дорог. Здесь был большой базар, где продавались всякие диковинные товары. Сотня, не мень-

ше, самых разнообразных лодок, принадлежали старику очень крупного телосложения по прозвищу Старый Лодочник.

Он с восхода да заката сидел на высоком берегу, на камне, похожем на лежанку, и следил за передвижениями своих лодок и за всем, что происходило вокруг. Удивительно было то, что он все запоминал, начиная с того, в какой лодке сколько человек, и какие передвижения и события происходили на обоих берегах. Многие споры приходилось решать ему тут же, сидя на своем троне.

У Синь чем-то понравился ему и был сразу принят гребцом на маленькую лодку со старым кормчим.

Работа была тяжелой, но интересной. Целый день приходилось бороться с бурным течением Хуанхэ. В первое время течение сносило их далеко вниз, и после переправы приходилось лодку тянуть вверх. Но со временем У Синь наловчился и уже ничем почти не отличался от опытных гребцов. Старый кормчий часто впадал в дрему, и У Синь сам держал курс. Это сразу заметил Старый Лодочник и одобрительно хмыкнул.

На ночь У Синь устраивался на ночлег тут же в лодке. Спал, подстелив одну соломенную циновку и укрывшись другой.

Под легкое покачивание и шум воды он, уставший за день, почти мгновенно засыпал. Иногда просыпался от холода и сырости и, смотря на звезды, думал о своем по-прежнему туманном будущем.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Если днем на реке шла обычная трудовая жизнь, то ночью все было иначе. Переправа закрывалась, и до утра на первый план выходило трехэтажное роскошное здание, возвышающееся на самом берегу реки.

С наступлением темноты в нем зажигалось множество разноцветных фонарей. Это был дом, где развлекались богачи. Для их удобства и удовольствий там было предусмотрено все. Порой такое, что обычному человеку и в голову не придет. Посетители этого земного рая были особыми людьми, со множеством слуг и помощников.

У Синь с жадностью следил за ними. Для него наконец-то прояснилась цель жизни. Каким-то, может быть, даже невообразимым чудом, но он должен попасть в этот круг счастливых. Вот где, оказывается, настоящая, подлинная жизнь, полная свободы, безграничной воли и прочих прелестей. Все то, чего полностью лишен маленький человек.

А каким образом У Синь войдет в этот круг, дело десятое. Способов это сделать должно быть немало. Надо будет только выбрать способ по себе, по своим возможностям. А он ощущал, что они у него большие. Только вот как хватиться, за что взяться, с чего начать?

Где-то через пару месяцев старый кормчий совсем ослабел, и на его место назначили У Синя. Теперь он, освобожденный от тяжелого труда гребца, оглянулся, осмотрелся вокруг. Среди переправлявшихся попадались и богачи, посещающие заветный дом с разноцветными фонарями.

У Синь пристально и жадно следил за их повадками, привычками, слушал и запоминал их разговоры. Разные среди них попадались люди. Видимо, не все завсегдашними заветного дома были настоящими богачами. Их как раз и было немного. А в основном там околачивались разного рода проходимцы с сомнительными занятиями, которые спускали здесь свои случайные заработки.

Они, в основном, занимались контрабандой редких здесь и поэтому пользующихся большим спросом товаров, которые тайно завозили с хуннской стороны: сушеное мясо, хурт, шкуры, кожа, оружие, драгоценные камни.

Это было опасное, запрещенное законом и преследуемое государством занятие. Попадешься — пойдешь на каторжные работы.

Но контрабанда была как магнит — она была самым легким и доступным способом быстро разбогатеть. Но она не прельстила У Синя, бывшего пограничника. Поэтому он не согласился ни на одно даже заманчивое предложение контрабандистов.

Раз в неделю кормчие со всех лодок в определённое время отчитывались перед Старым Лодчиком. Старик, сидя на своем плоском камне, внимательно слушал каждого, при этом не упуская ничего, что происходило на переправе.

Его зелёные глаза как бы пронизывали всего тебя, и от этого становилось не по себе. Казалось, он видел все твои тайные мысли и намерения.

Непростой был старик. Крайне придирчивый и дотошный к подчиненным, но обычно строгий к новичкам, он с самого начала очень благосклонно отнесся к У Синю.

А У Синь долго не мог к нему привыкнуть. Он боялся старика, ибо чувствовал, что тот каким-то образом догадывался о его мыслях о богатстве, и что он уже не намерен тут долго задерживаться. Но старик молчал. Почему? Может, от того, что у него была единственная дочь, видимо, осчастливившая его на склоне лет своим появлением на свет. Это была всегда нарядно одетая белолицая, рыжеволосая, как отец, толстуха.

Она-то сразу обратила внимание на юношу. Видимо, понравился бывший пограничник своей выправкой. У Синь же боялся исходящей от девушки непонятной, всесокрушающей силы воли, чувствуя в ней источник опасности, да и вообще толстухи никогда не нравились ему. Такая родит ему толстых рыжих мальчиков, а это не входило в планы его будущей жизни. От хуннского начала ничего хорошего не жди, надо отойти в сторону преобладающего большинства. Это возможно. Только через маленькую, черноглазую южанку — без всякого своенравия и норова, мягкую и нежную, терпеливую и надежную.

Работа шла своим чередом. У Синь внимательно вглядывался в каждого, кто садился в его лодку. В основном это были собиратели трав, заготовки всякой съедобной растительности, рыбаки и охотники.

Редко, но бывали и деловые люди. Эти резко отличались от основной массы трудового черного люда. Они имели слуг и помощников. Всегда о чем-то сосредоточенно думали. Были неразговорчивы, видимо, что-то высчитывали, рассчитывали.

А трудовой народ был очень разговорчив. Они охотно и с удовольствием делились новостями с кем попало, что было у них на уме — то и было на языке.

Говорили в основном о ежедневных заботах и делах, у кого как, и особо о далеких вещах и не думали, не гадали.

ПОДОБИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Кто надеялся заработать лишние деньги, устраивался на ночлег поближе к ночному заведению. Если везло, можно было за одну удачную переправу сорвать дневной заработок. Но это было редко. Зато для того, кто хотел знать побольше о богатых посетителях ночного дома, было много интересного. У Синь вслушивался в их разговоры, следя за их поведением, взаимоотношениями между собой.

Да, это был совершенно иной народ, чем обычный дневной — рабочий.

Они отличались друг от друга, как черное и белое, как день и ночь. Но, возможно, эти, мягко выражаясь, несовместимости можно и продолжить: богатство и бедность, порок и добродетель...

Хотя все в Поднебесной построено на сочетании, если не на единстве этих, казалось бы, взаимоисключающих и противоположных начал. При пристальном взгляде их можно сопоставить.

Если обычная жизнь просыпается утром, весь день проводит в тяжелых трудах и после вечернего чая отходит ко сну, то ночная жизнь начинается с этого момента и проводит время до зари очень бурно — за закрытыми дверями и занавешенными окнами. Подробностей не видать. Но утром они расходятся крайне усталые, понурые, невеселые...

Много непонятного и таинственного происходит в доме.

Каким же образом все блага мира достаются кучке богачей на их веселья, наряды, всевозможные утехы? А народ круглый год еле сводит концы с концами.

У Синь много, но безрезультатно думал о жизни, глядя на бурное течение Хуанхэ... Сколько же еще впереди будет разочарований, крушений очередных иллюзий? Издалека кажется одно, но приблизишься, вникнешь, выходит совсем другое...

Все постоянно меняется, и никак не угадаешь, что чего на самом деле означает. В заставе Саньгуань в подобных сложных размышлениях обязательно упоминался великий учитель, бахсы Лао-Цзы...

Чтобы не ошибиться в выборе цели и ее достижении, надо много думать... Проникнуть бы в суть вещей верными размышлениями, не упрощая сложное и не усложняя простое. Но как это сделать, если необученный, непосвященный, ты тупее тупого, глупее глупого? Какое упущение он сделал, когда из-за лени и непонимания не стал заниматься изучением трудов великого учителя! Теперь уже поздно. Все надо делать вовремя, когда оно возможно и доступно.

Однажды Старый Лодочник сказал:

— Я смотрю, ты выделяешься из толпы. Думаю, ты был причастен к окрещению великого человека. Ты знал Лао-Цзы?

— Я слышал, что Лао-Цзы некогда служил у нас... Да и только. А так я ничего не знаю о его учении.

— Но ты имел великое счастье общаться с его последователями и поклонниками, а это совсем немало! Ты ходил по тем же каменным ступеням, на которые ступал великий учитель, наконец, дышал тем же воздухом, что и он.

У Синя глубоко поразили эти высокие слова.

Тогда он еще не знал, что Старый Лодочник тоже пограничник, и служил он тоже при заставе Саньгуань, что он и ныне нес свою своеобразную службу... Которая потом после него будет иметь свое продолжение.

Впрочем, об этом — потом. В свое время, в своем месте...

УЖИН У СТАРОГО ЛОДОЧНИКА

Однажды вечером Старый Лодочник пригласил У Синя к себе, но почему-то через свою дочь.

— Отец ждет тебя, — сказала она, выделив это слово “тебя”.

Старик сидел на своем излюбленном месте. Солнце клонилось на закат, дул северный холодный ветер.

На маленьком круглом столе дымились горячие травяные отвары. Налил У Синю в маленькую глиняную чашку.

— Знаешь ли ты, почему я пригласил тебя?

— Нет, не знаю. Но думаю, что поговорить о делах.

— О, нет. Дела того не стоят, чтобы тратить на них этот прекрасный вечер! — сказал Старый Лодочник, окидывая восторженным взором речную гладь.

У Синю, когда он шел на вызов, грешным делом, было не по себе. Он побаивался хозяина, вдруг да какое у него замечание по работе или еще что. Теперь, видя его благодушие, успокоился, но внимательно слушал каждое его слово, следил за выражением лица.

— Ты, должно быть, удивляешься, видя этот мой восторг. В ваши годы так бывает, что человек замечает, выделяет, восхищается такими вещами, которые затем превращаются в ничто. А, казалось бы, совершенно бесполезные, несущественные вещи вдруг начинают обретать значение. Но печально то, что на постижение этой истины иногда уходит если не вся жизнь, то ее самая лучшая, созидательная часть. А многие и не достигают ничего. Так и уходит из жизни с пустой душой, потратив все силы на набивание кто желудков, кто карманов. Но вся беда в том, что содержимое карманов не уносят с собой... — Старый Лодочник вдруг умолк, глядя на пурпурный закат, затем спросил. — Ты ничего не понял из моих слов?

— Да... — слегка смешавшись, честно признался У Силь.

— Ничего, потом поймешь, спустя многие годы, — широкая, теплая улыбка озарила лицо старика. — Я не затем говорю, чтобы ты сейчас меня понял. Это сложное дело. Так не бывает, чтобы человек все сразу понимал. Не-ет. Так устроен мир, что всякая истина дается только через сравнение, через постижение разных состояний бытия. Все бы хорошо... Но печально то, что на постижение истины, как я говорил, уходит почти всегда вся жизненная энергия, так что не остается и желаний, и довольствуешься одним только созерцанием.

— А может, и хорошо, — впервые робко заметил У Силь, скорее всего из чувства жалости к старику. — Ведь и многие недоразумения происходят из-за чрезмерных желаний.

— Да... Это ты хорошо заметил. Мягко сказано: недоразумение. Точнее сказать, многие беды порождают необузданные желания... — Старый Лодочник как бы заново с удивлением посмотрел на юношу. — Интересно ты выразился. Ты об этом заранее думал или как?

— Нет, конечно... Просто... Просто к месту, к слову случайно вырвалось... — искренне признался У Силь, слегка покраснев от такого внимания к себе.

— Это хорошо, что ты сразу признаешься, а не корчишь из себя мудреца. Но хорошо и то, что ты так удачно выразился. Это редко случается. Надо уметь ценить удачные мысли. Часто в них кроется сокровище. Запомни это. — Лицо Старого Лодочника было возбужденное, он слегка замолчал, как бы примериваясь к чему-то. — Я призвал тебя, чтобы рассказать одну очень поучительную легенду.

Старый Лодочник, немного помолчав, медленно начал.

ИСТОРИЯ МЕЧТЫ

Это было так давно, что никто уже не помнит, когда, где и с кем случилась эта история. Она кажется, на первый взгляд, похожей на многие сомнительные рассказы, но она на самом деле подлинная... особенно тем, что в ней ясно вырисовываются многие заблуждения человечества. Очень жаль, что мало кто внимает мудрости прошлых веков. По крайней мере, до сих пор. Но по всему видно, что и в дальнейшем будет так же. К великому сожалению, если один человек еще может многое в жизни постичь, то человеческое сообщество так уже ничему не научится.

Этот номох (легенда) — об алчности.

Действие происходит в хуннской стороне, где-то на севере. То ли на берегу великой реки, то ли озера Байхал. Жил-был мальчик-лодочник, как ты, дено и ночью мечтающий обрести большое богатство. Переправа была в стороне от крупных путей, заработки были небольшие. Но мальчик не унывал, ждал, что настанет миг удачи, который превратит его из слуги, которым помыкал всякий проезжающий, в важного господина.

И воистину, кто жаждет, тому везет. Повезло и нашему мальчику: настал-таки долгожданный миг. Был ветреный уютный вечер. К переправе подъехали трое явно чем-то возбужденных, но молчаливых путников. Все было странно в них. От одежды до поведения.

Путники потребовали немедленно их переправить, но мальчик ответил, что при такой погоде лодку сразу захлестнет и все пойдут ко дну. Но те не унимались, всячески стали уговаривать, просить, даже грозить. Мальчик не поддавался, и предложил дожидаться утра, небось, погода сменится.

Они явно чего-то опасались. Это было видно. Наметанным глазом мальчик сразу догадался, что это были темные личности, а торопились, скорее всего, опасаясь погони... У них была странная поклажа — небольшие мешочки, но чувствовалось, что тяжеленные — словно булжники напиханы в них.

Когда все увещевания не помогли, то к мальчику подошел старший и, подозвав в сторону, вручил ему небольшой, но увесистый по весу мешочек.

— Держи, мальчик. Вижу, что сирота ты. И это не в оплату за услугу. Пусть это поможет изменить твою судьбу. Это золото, мальчик, ты его

спрячь в надежном месте. А нас перебрось на тот берег. Мы люди деловые, нам некогда тут прохлаждаться.

После старика к мальчику подошли двое остальных и тоже вручили ему по мешочку один побольше, другой поменьше. Их мальчик засунул в карман, а тяжелый плотный кожаный мешочек с крепко завязанным узлом спрятал на берегу в надежном месте. Мальчик воспрял: вот он, миг удачи, который он столько ждал! Как быстро и просто он наступил!

Он не стал даже раздумывать, раз наступил такой баарт (фарт). Как-нибудь переправятся. Овладев золотом, он совершенно потерял страх. Хлопнув по левому и правому карманам, в которых было по мешочку золота, обрел еще больше уверенности. Решительно направился к лодке. Путники несказанно обрадовались, загрузили тяжелые мешки и... отчалили.

Волны подхватили тяжелую лодку и хищно забегали вокруг. Двое, которых мальчик по размерам их мешочков успел про себя окрестить Щедрым и Жадным, сели за весла, мальчик — на корму и направил лодку на тот берег, к алому зареву заката. Старик, стоя впереди, нервно теребил пальцами, крепко прижимая к себе свой мешок.

Как только отошли от берега, громадные волны начали нещадно заливать лодку, и она стала тонуть.

Еще была возможность до конца бороться, и если бы гребли упорно, доплыли бы до берега. Но гребцы бросили весла и схватились за свои мешки.

Старик прохрипел:

— Все... все тонем. Хватайте свое золото. Золото не потеряйте напоследок, ведь ради него гибнем... Золото... Золото!

Это были последние слова, которые услышал мальчик. Трое путников с тяжелыми мешками сразу утонули. А мальчик еще какое-то время держался за перевернутую лодку...

Старый Лодочник замолк.

Солнце уже закатилось, его заменило удивительной красоты зарево, отражаясь на изгибе реки.

— Жалко парня... — вздохнул У Синь. — Зачем он только согласился. Ничего бы с ним не случилось, жил бы да жил.

— Возможно... Но ведь корысть... — Старый Лодочник усмехнулся, с удовольствием затянулся и выпустил в сторону заката синий дым.

— Да, ему же золото отвалили. А жаль, что пропало оно... Наверное, затем кто-то счастливый нашел тот заветный мешочек...

— Да, золото жалко. Должно быть, много его было, — усмехнулся старик, заметив, как заблестели глаза у парня. — А ведь эта история имеет продолжение...

— Не может того быть! — радостно воскликнул У Синь. — Ведь они утонули и погибли. Разве не так?

— Так-то оно так... — старик, загадочно улыбаясь, глянул на закат. — Так, да не совсем... Вот слушай дальше... А случилось вот что. Алый закат закатившегося за горизонт солнца стал последним земным видением мальчика. Как только волны сомкнулись над ним, сознание погасло. И неизвестно, сколько времени прошло, может, много, а может, и ничего, но он начал приходить в себя.

Оказался он в подводном мире. Это ощущалось везде, но почти очень схожее с земным. Только не было ни солнца, ни луны. Звезд на небе тоже не было. Светало и темнело одновременно со всех сторон, а небо — видимо, это была поверхность воды — всегда было одинаковым, без облаков.

Удивительно было обнаружить, что людей там было великое множество. Все кишело людьми, как в наших городах на рынке. Когда мальчик и путники пришли в себя, то первым делом ухватились за свои мешки, которые почему-то оказались совсем не такими тяжелыми и даже мягкими на ощупь. Удивились, но промолчали, никто не хотел развязывать тугие ремешки, которыми мешки были тщательно завязаны.

Подошла охрана и стала выпытывать: кто такие, откуда?

— Мы купцы, — сказали трое и показали на мальчика. — А это наш слуга.

— Чем вы докажете свое купеческое сословие?

— Состоянием...

— А где оно, ваше состояние?

— С собой, здесь, в мешках.

— А ну, показывайте.

Стали развязывать мешки, а там оказался один песок и глина.

— Это же глина с песком, а где же ваше золото? — строго спросил начальник охраны.

— Господин начальник, оно точно было, только вчера еще. Спросите хоть его, — путники показали на мальчика.

— Видеть я не видел, что у них в мешках, но они были тяжелые.

— Врут! — отрезал строго начальник. — Так не бывает, чтобы вчерашнее золото превращалось в песок с глиной. Этих троих — в тюрьму!

Когда увели путников, стали обыскивать мальчика. Вывернули карманы, нашли мешочек побольше, который ему дал Щедрый. Вскрыли его, а там также оказалась глина с песком.

— Что это?

— Теперь не знаю что... Но было золото.

— Этот опять врет.

Развязали второй небольшой мешочек, который вчера ему дал Жадный и ахнули: там сверкнули самые настоящие самородки.

Охрана сразу изменила к нему отношение с пренебрежительного на уважительное, и мальчика отпустили.

И стал он жить-поживать как в сказке, потому что золото открывало ему все двери. Удивительным было то, что там не надо было за услугу платить, стоило только показывать его, и все бросались исполнять его поручения, поэтому золото его не кончалось.

Получалось, главное, иметь золото, и не важно, много его у тебя или мало. Поэтому там никто не старался наживаться, обманывать, воровать. Все жили спокойно, мирно.

Была там прекрасная жизнь, описать невозможно.

Но для человека, познавшего иную, земную жизнь, хоть малость, но все же оставалось ощущение неполноты, несовершенства, незавершенности, что ли...

Надоедало днем мутно-серое небо без солнца, беззвездные и безлунные ночи. Да мало ли чего. Если вдуматься, много было несуразностей, привыкнуть к которым невозможно.

И ожила в нем жуткая тоска, что хотелось волком выть...

И стал он денно и ночью искать пути возвращения назад на землю.

И он вернулся! Выплыл, отдышался, оглянувшись... О-о, какая это была прелесть! Какое обилие ярких цветов!

Первым делом он с великим волнением вскрыл заветный мешочек с золотом, а там оказались вместо самородков обычные речные камушки.

Но мальчик не стал выкидывать их, а предусмотрительно спрятал в лодке, в которой соорудил тайник. Так, на всякий случай...

Он вспомнил спрятанный мешок, и какова же была его досада, что там тоже оказались обычные речные камешки! Значит, тот старый прохиндей обманул его. Но мальчик не стал держать обиду на того, и так обездоленного и несчастного: он не только попал в мутный подводный мир, но и там оказался в неволе. Можно ли придумать наказание страшнее?

Мальчик по-новому взглянул на окружающий его мир, полный стольких неповторимых красок и оттенков, мир, в котором нельзя не быть счастливым...

Старый Лодочник замолк, с видимым удовольствием затянулся длинной трубкой и снова выпустил синий дым в сторону догорающего багрового заката.

— И что мальчик? — не выдержав, спросил У Синь. — И как у него сложилась последующая жизнь?

— А мальчик зажил счастливо и долго. Конечно, женился, обзавелся домом, народил множество детей.

У Синь тоже вздохнул. Но это был не вздох облегчения: он знал, что не все так просто в реальной жизни... Можно, конечно, жить долго и народить множество детей. Но будет ли счастье в нужде и стеснении?

Видимо, Старый Лодочник заметил его интерес к дому с фонарями и эту поучительную историю рассказал ему неспроста.

Жизнь при фонарях, которую они наблюдают издалека, возможно, чем-то схожа с подводным миром своей перевернутостью к реальности. Да, конечно, завлекает, призывает, увлекает. Когда вокруг беспросветная тьма, так и хочется к свету фонарей, подобно несчастным мотылькам.

В почти полной темноте, по тропинке на ощупь пробирался он к своей одинокой лодке. Стояла тихая душная ночь.

В доме с фонарями только начинался очередной праздник жизни, который продолжится до утра. Звучала музыка, игривый женский смех, самодовольный мужской бас.

Все-таки это не то... надо что-то другое. Но — что? Этого У Синь не знал.

РАССКАЗ БРОДЯГИ

Кто жаждет богатства, тот ловит слухи о тех, кто чудесным образом разбогател, если не в один момент, а хотя бы одним удачным действием, не тратя на это всей жизни.

У Синя это и устраивало, поэтому из множества других легенд запала в душу именно эта легенда. Рассказал ее заезжий бродяга, который, как другие, не попрошайничал, не старался прислуживать в поисках случайного заработка. Он околачивался около заведений типа дома с фонарями, и чудесным образом богатые всегда брали его в собутыльники, потому что у него язык был хорошо подвешен. Чего он только не знал, где только не бывал. Знал многих известных авантюристов, сидел с ними за одним столом. Словом, нынешние счастливицы каким-то образом узнавали в нем своего, человека, не раз обладавшего приличным состоянием, но, как он сам говорил, по невезению или неудачному стечению обстоятельств все каждый раз спускавшего.

Однажды утром он, выброшенный на улицу после очередного застолья, дрожащий и несчастный, пришел к лодке У Синя и попросил перевезти, но честно признался, что платить ему нечем, но за это он расскажет одну чудесную легенду, которая наверняка заинтересует доброго молодца, мечтающего о необычных путешествиях и дальних дорогах.

Время было неурочное, клиентов не было, и У Синь согласился.

— Я расскажу тебе случай из своей жизни. Хотя многие воспринимают его как легенду, но это было на самом деле. Был я юн и полон сил и энергии, как ты теперь. И я мечтал о прекрасных женщинах и роскошной жизни. Как это можно достичь? Конечно, только богатством. И вот однажды заезжий бродяга типа нынешнего меня рассказал о далеком вулкане где-то далеко на западной окраине Куньлуня, который во время извержения выбрасывал куски золотых самородков. И я, недолго думая, решил отправиться туда. Добирался долго, по дороге не раз бывал на волоске от гибели: замерзал, мучился жаждой, голодал, но был упорен, терпел и добрался.

Оказалось, все было правдой. Действительно, после редких извержений на северо-восточных склонах не часто, но находили самородки. Поэтому вся земля вокруг была давно поделена бандами, которые ловили таких несчастных и глухих авантюристов, как я, и, предварительно заковав в кандалы, заставляли искать золото.

Меня поймали на второй день, и я на долгие три года загремел в рабство. Мне везло на золото. Когда удавалось находить самородок, меня поощряли. Постепенно я вошел в доверие, и наконец подвернулся случай, и мне удалось сбежать. И думаю, а если бы мне удалось проникнуть в самое жерло того вулкана... Но как? И как суметь унести оттуда добытое золото, ведь по пути поймают грабители...

Бродяга замолчал, затем посмотрел У Синю в глаза:

— Юноша, я бывалый человек, вижу тебя насквозь. Ты хочешь быстро разбогатеть и, как все мы, вдруг и сразу. Но никогда не верь таким рассказам. Не бывает, чтобы человек разбогател легко и быстро, если он не вор, не игрок и не разбойник. А это уже другая, дьявольская стезя. Настоящее богатство достигается ценою огромного труда, в это надо вложить всю жизнь. А быстрое богатство, которое достигается такой дорогой ценой, того не стоит!.. Оно ничто по сравнению с подлинной человеческой радостью, ощущением свободы!.. Я вижу, что ты мне не веришь. О, бедный юноша! Неужели и ты заложишь свою единственную, светлую, такую чистую судьбу ради дьявольского блеска золота!

У Синь промолчал. Ибо он не нашелся, что ответить. Все, что говорил ему этот разнузданный бродяга, ничего за душой не имевший, ничего не наживший, было только очень похоже на правду, ничем не подтвержденную. Но свет разноцветных фонарей, их притягательная сила были очевидной и явной реальностью.

На берегу они расстались. Бродяга, завывая протяжную варварскую песню, исчез в речных зарослях.

Но запала в душу эта легенда о золотых самородках, которые постоянно стали сниться. Особенно заинтриговало жерло вулкана. Если это правда, если бы суметь туда проникнуть, то ведь можно найти выход и унести с собой золото... Лишь бы завладеть этим желанным металлом, а там видно будет... Нет, дело того стоит.

И У Синь решился...

ПУТЬ НА КУНЬЛУНЬ

И решился открыть свою мечту Старому Лодочнику. Тому явно не понравилась эта абсурдная и явно гибельная идея.

— Это то же самое, что я рассказывал тебе о золоте, которое превращается в глину.

У Синь молчал, нагнув голову. Понимая бессмысленность отговорить юношу, Лодочник только повторял выражение хуннов: “барса кэлмэс” (ушедший не возвращается).

— Что бы ни случилось, старайся вернуться, знай, что тебя здесь ждут и примут в любом виде, даже в качестве беженца. Укроем, спрячем.

И снова утром, как тогда, из родительского дома, У Синь отправился в путь. На сей раз к отрогам Куньлунь, которые непрерывными грядками протянулись на многие тысячи ли. Ехал на чем придется, то на лошадях и верблюдах, то на ишаках и ослах. А то и на своих двоих. Наконец, на горизонте появились очертания высоченных хребтов. У Синь направился к ним, но, предупрежденный бродягой, не стал подходить близко. Он уже знал, что извержения выбрасывают камни только на северные и восточные склоны. Значит, наиболее они и охраняются. Тщательно все обдумав, он решил обойти гору на почтительном расстоянии и пробраться к ней с юга.

Места были совершенно пустынные. За десять дней пути он не встретил даже следов человека, и вдруг навстречу бежит девушка в цветастом платье чуть постарше его, легко перепрыгивая с камня на камень.

— Ты не видел мальчика, сына моего, играющего цветными камушками?

— Нет, я уже десять дней живой души не встречал.

— Ах, какая досада! Куда он мог запропасться этот негодный мальчишка? Ну я ему задам!

У Синь удивился: какая ранняя мать, уже сына имеет.

МАЛЬЧИКУ... 200 ЛЕТ

Пройдя ещё немного, увидел зелёную лужайку, где на белом камне сидел старик и сосредоточенно играл. Играл разноцветными камнями, да так

увлеченно, что, казалось, ничего не слышал, не замечал, полностью был поглощен азартом игры...

Каким-то образом угадав в нем того самого “мальчика”, которого потеряла юная мать, У Синь не поверил своим глазам. На вид это был глубокий старик с белыми усами, с залысиной, но когда он поднял глаза, то у него был взгляд шаловливого, озорного мальчика.

— А, это ты? — скучно произнес старик, словно только вчера расстались. — Здравствуй, У Синь.

— Вы знаете меня, почтенный?

— Во-первых, я вовсе не почтенный, я просто мальчик, каких здесь много.

— Но откуда знаете меня?

— Я все знаю. Все-все! — прихвастнул “мальчик”. — Я знаю очень-очень многое! Даже то, что было давно, а еще и то, чего еще не случилось.

— Скажите, что меня ждет? Стану ли я богат?

— Ничего не скажу.

— Почему?

— А потому что, зная наперед будущее, ты потеряешь интерес к жизни. Нельзя заранее знать будущее.

— Зато я бы не совершал ошибок, зря не стал бы многие вещи делать.

— А заблуждаться да ошибаться тоже полезно. Не будет ошибок — не будет и истины, как говорил один мальчик по имени Ли Эр...

— Так вы, почтенный, знали великого учителя Лао-Цзы?

— Знал, конечно, еще как знал! Тогда он был лопухим, смешным головастым мальчиком Ли Эр. Кстати, этот Ли Эр был в детстве похожим на тебя, хотя ты же больше хунн.

— Нет, я южанин!

— Это ты кому-то другому скажи. Я-то насквозь тебя вижу, кто ты такой, где родился, где служил, что у тебя в уме, куда и зачем идешь. Докуда дойдешь и чем закончишь.

— Да, и скажите-ка, интересно знать.

— Опять ты за своё! Хочешь все выведать и идти по жизни без всякого сомнения, выбора, по заранее известным путям?

— Но это было бы очень надежно и верно, я бы не шарахался зря, не плутал бы по неверным путям зря и силы бы сохранил.

— Повторяю, без выбора, без сомнений ты потеряешь интерес к жизни. Поиск решения, поиск верного пути и составляет если не главный, то один из основных смыслов жизни.

— Никогда не соглашусь, что бессмысленные метания по жизни в поисках верного решения содержат смысл бытия. По мне, они-то и сводят жизнь к бессмысленным метаниям. Зря Создатель сделал человеческую жизнь такой... Если бы Он дал ему возможность прозрения, то сколько бы ошибок не свершалось! Сколько войн и несчастий. Ведь все они от заблуждений, от невозможности заранее предвидеть возможные последствия деяний. По незнанию свершаются многие беды.

— Разве по неведению зверствуют люди? Открой завесу неведения — и что, они прозреют и перестанут воевать? Если бы! Любую новую идею они обращают не во благо, а во зло. В еще более обширные истребления, в больший порок. Неведение — единственный сдерживающий фактор. Ибо только оно путает и удерживает. Неведение — пояс, граница; развяжись он — беда распояшется.

О ДИН ХУНЕ И ЛИ ЭР

— Я их впервые увидел в... году, когда служил при старой крепости Уньчжой.

— И чем же вы там занимались?

— Ну, как чем? У нас была там так называемая Темная Комната, где мы ведали кадрами. Их отбором, подготовкой, продвижением, воспитанием.

Изучали их линии судьбы, определяли, кого куда направить... Это если они не имели предопределения свыше. Но почти половина имеют предопределение, заранее запланированное еще с рождения или даже до... В этом случае нельзя вмешиваться в их пути. Можно только слегка поправить, помочь в кризисных точках судьбы.

— А простым смертным, не обладающим предопределенностью, можно, да? — У Синя очень заинтересовал всеведущий мальчик-старик.

— Но и это сложно, ибо можно только слегка навести, наваять путь, а дальше все равно он должен сам проторить путь до конца.

— И вы следили за всеми?

— За всеми уследить, как ни странно, проще. В толпе люди ведут себя, подражая друг другу, на события реагируют одинаково. Но среди них бывают, как бы сказать? Нестандартные, что ли? Которые реагируют иначе. Вот за ними и следишь. Это или отбросы, или особенные по таланту, по возможностям. Их полагается отсечь от сердцевины. То есть речь о крайностях, о дурных, от которых следует избавляться, или о ярких, неординарных, которых тоже нужно выделить, чтобы не потерялись. Ибо они часто нарушают, выделяются и тем самым попадают в трудные, иногда наказуемые ситуации. А толпа тоже неоднородна. Она состоит из множества тонких наслоений.

— Дин Хун и Ли Эр сразу выделялись?

— Нет, никак нет. На поверхностный взгляд, это были совсем обычные мальчики.

— Странно! Думаю, они должны были быть ярче, иметь явное превосходство.

— Никак нет. За редким исключением, они во многих случаях не выделяются из толпы.

— Значит, они раскрываются в определённый момент и сразу уходят вперед?

— Да, почти так.

— А как вы там, в Темной Комнате, могли, в первый раз увидев человека, сразу тут же определить, кто он, и предвидеть всю его будущую судьбу?

— Ну, это совсем другое, можно сказать, необычное, особенное место — Темная Комната, где, как ты говоришь, человек определённым образом просвечивается.

— И вы всякого, кто туда заходит, насквозь видите?

— Я же сказал, не совсем. Это трудно объяснить, да и не надо, чтобы ты такие вещи понимал. Это сфера знаний, которая лежит за границей реальности, это иное бытие. А ну-ка вспомни, вспомни, когда ты с другом Инь Си попал в Темную Комнату?

И — как молния озарила У Синя. Да, да, он же был в Темной Комнате, был!

— Да, это было удивительно — обнаружить последователя великого учителя Лао-Цзы. Такие мгновения удачи скрашивают однообразие долгой-долгой службы. Я же там прослужил лет этак 75... и даже с лишком. Это потом меня перевели сюда.

— А что за служба здесь у вас?

— Ну да, тебе все и выложи. Нет у тебя чувства меры, чувства грани, границы. Мы там в Темной Комнате сразу вычислили тебя... Ты большой, очень большой...

— Я? Это вы про меня говорите, что я большой человек? — обрадовавшись, воскликнул счастливый У Синь. — Да неужели?! Если бы я заранее понял, что я есть большой человек, я бы удержался от многих соблазнов!.. почему вы мне тогда в Темной Комнате, как судьбу Инь Си, внятно не сказали? Кто я есть и кем стану на самом деле? А сказали нечто непонятное, нечленораздельное. Почему?

— Иначе и нельзя было. Вот и теперь ты сразу, не дослушав меня, на свой лад переиначив мысль, делаешь совершенно иные выводы... и поскакал далеко вперед. Правда, не туда, куда надо...

— Но вы же сами только что сказали, что я большой человек. Так или не так?

— Никак нет. Ты, не дослушав меня, сам делаешь вводы. Я успел сказать только “большой”... Но не говорил: “человек”. Я хотел сказать вот что... ты большой прохиндей, авантюрист и проходимец. Даже великий по-своему, дойдешь далеко-далеко, и кажется, заберешься высоко-высоко за грань возможного и реального.

— Да-а-а, — печально протянул У Синь. — По правде, я и сам в себе подозревал подобное. Но ведь человек слаб, я надеялся, что вдруг откроется во мне нечто такое, которое вознесет меня над всеми... А причиной всех неудач считал свою бедность. Вот и поставил цель: любой ценой обрести богатство. Богатство — сила. То, чего не хватает не только мне. Будь у меня возможность, я бы такое совершил, облагодетельствовал бы бедных...

— Как бы не так. Ты ровным счетом не понимаешь, что такое богатство. Не знаешь ни того, что оно означает, ни его размеров, ни его суть, ни пределы возможностей материального богатства. А это, поверь мне, очень сложное, многоступенчатое понятие... Мирское богатство, при кажущейся бесспорности обладания якобы реальными ценностями, на самом деле вещь весьма иллюзорная. Может стать так, что оно существует в виде зданий, вещей, денег и золота и в одночасье может превратиться в ничто, прах и мусор...

— Прах и мусор? Золото?

— Что, не веришь? Это сам когда-нибудь поймешь. Это горькое прозрение у тебя впереди, ждет не дождется.

БАШНИ НА ПЕСКЕ

У Синь вспомнил рассказ Старого Лодочника о подводном мире... Вспомнил и сразу сник. словно из него в этот момент нечто улетучилось. Ослабел, упало настроение, расстроился и реально почувствовал, что потерял силу, которая его воодушевляла, толкала вперед — к великой цели обретения богатства...

В последнее время после начала пути он впервые усомнился: а стоит ли так рваться? А что, если воображаемое богатство всего лишь очередная иллюзия? Самообман, который не стоит такого риска, таких жертв... Ведь он пожертвовал всем тем, чем обладал. Домом, родными, родиной.

Им овладела тоска, которая обожгла острой болью — по родному дому, матери, отцу, братьям и сестрам... Куда и зачем он рвется? Стоит ли то, к чему стремится, его жертв? Впервые сжало сердце от жалости к родным... На самом деле он, оказывается, бросил их, но ради чего? Обманывал себя тем, что, достигнув богатства, поможет им, наконец, вытащит их из нищеты, постоянной угрозы налогового бремени.

С тех пор, как только охватила его мысль, мечта об обретении богатства, он жил единой мыслью о скорейшем достижении цели. Он был как одержимый, словно нечто поселилось в нем и вытеснило из него все иные мысли.

И вот теперь ощутил сомнение. Вместе с сомнением ощутил опустошенность.

Его поразило это состояние. Стоило хоть немного усомниться, и сразу сник. Было мучительно обидно и стыдно, что он — взрослый человек — стал подвержен абсурдной идее...

Но все же внутри оживало слепое сопротивление... Он не хотел верить разумному взгляду, не хотел признать, что зря пустился в такой далекий путь.

Сознание лихорадочно искало оправдания. Он цеплялся за все, что можно, чтобы оправдаться. Искал доводы, чтобы опровергнуть слова юного старца.

А тем временем старик временами так увлекался игрой, что, кажется, забывал о нем. Из набора разноцветных камушков старался сложить башни, которые, достигнув определенной высоты, рушились...

Когда башня удавалась, старик звонко и заливисто хохотал как мальчишка, да так искренне, что было удивительно. И так же от души, прямо до слез, огорчался, когда какая-то башня вдруг кренилась и обрушивалась...

Но оказалось, он не забывал о нем:

— Ну что, усомнился?! Это хорошо. Излишняя уверенность в чем бы то ни было тормозит развитие. Человек, лишенный сомнения, пребывает в покое, а не в движении.

— А вам не кажется, что оно разрушает уверенность?

— Ну, смотря по ситуации. Когда и как.

Тем временем солнце достигло зенита и стало нестерпимо жарко. Стало нечем дышать, ибо раскаленные камни тоже излучали жару.

У Синь потоптался на месте, надеясь, что старик закончит свою бессмысленную возню с камнями. Но тот был весь в игре, будто и не чувствовал жары... Только несколько капель выступили на лысине.

У Синь оглянулся. Что за странное место? Никого не видно, а следы трудов человека повсюду.

Старик будто подслушал его мысли.

— Это создано неустанным трудом многих обитателей этого райского уголка. Ты зря осуждаешь меня за эту игру в камешки, это отнюдь не бесполезное дело. Я ищу и фиксирую равновесие мира... — изрек старик, ни на миг не отвлекаясь от попытки установить очередную башню...

Скоро опять радостно захлопал в ладоши, значит, камень нашел свое место. У Синь с тоской ждал конца игры. Но игра ли это была?

Тем временем солнце зашло, стало темно, но старик провел рукой и вызвал вокруг себя некое свечение. Но оно не прогнало холод. Старик пожегся и весело изрек:

— Я вволю впитал в себя дневного тепла, теперь оно не дает мне мерзнуть. Надо уметь извлекать радость и приятное из противоположностей. А ты страдал от жары, теперь страдаешь от холода... Ладно... тебе, видно, надоело меня ждать. Хотел тебя сам проводить, но игра получается нынче, да и мать заругает. Заставляет всякими делами скучными и нудными заниматься.

— Какими же?

— Ты не поймешь. Учись спрашивать только необходимое. — Тут же он стал звать своего младшего брата. Странно было, что он не кричал, а уговаривал полупшепотом. Тот, видимо, не хотел, а этот что-то обещал ему, как маленькому мальчику.

Скоро появилась из темноты фигура этого брата. И он казался намного старше старшего.

— Не удивляйся. Он так выглядит, потому что был в свое время непослушным. Пропускал время пить лекарства даже чаще, чем я, вот и... — Затем стал что-то долго объяснять брату на непонятном У Синю языке. У Синь понял только одно — общение с ним не понравится матери.

Тут налетел порыв ветра, и все башенки старика рухнули... Старик, как маленький мальчик, сел на землю и заплакал, обливаясь горькими слезами... Младший брат стал гладить его по лысой голове, жалеть и уговаривать, что у него все получится. Наконец, старик успокоился и, икая совсем как мальчик, стал снова играть, сосредоточенно обдумывая каждый ход.

— Ладно, — наконец сказал он. — Хотел тебя уговорить не ходить так далеко за твоим золотом. Ведь опасно и страшно. Сколько сгинуло там! Как они жалели перед смертью, озаренные последней мыслью о бессмысленности своего стремления. Ты пока как слепой ценок. И прозреешь ли, неизвестно. Стремись туда, как одержимый... А одержимые как слепоглухонемые — ничего не видят и не слышат. Ладно, иди... ты сможешь достичь дна каменной чаши. Так уж и быть, помогу тебе. Потому что ты одинокий странник без предназначенной судьбы. Тебе можно помочь, ибо это не будет вмешательством в иные пути. Ты добьешься только того, что достигнешь своим умом, в результате испытаний и страданий. Сможешь ли ты достичь своей вершины и достичь успокоения — зависит только от тебя самого. Возможно, ты погибнешь и сгинешь на пути к чужим вершинам. Очень, очень даже возможно. У тебя нет ума основательного, только отражение и отталкивание от всего увиденного: мол, у тебя должно быть иначе... Дай Бог тебе освободиться, наконец, от одержимости. С нею ты пропадешь. И не такие пропадали, а еще сколько предстоит? Все беды человеческие от одержимости. Сможешь вовремя освободиться от этой напасти — выживешь, нет — сгинешь.

У Синь, узнав о печальных перспективах, изменился в лице, сник.

— Ладно-ладно, не унывай так сильно, не надо этому придавать слишком много значения, — якобы “успокоил” старик. — Не ты первый, не ты последний. Много, очень много еще родится слепых щенят. Да, немногие прозреют. Ведь такие люди, как ты, ничего не могут принять на веру, до них доходит только выстраданное, да и то на последнем пределе. А вначале они — рабы иллюзий. Им кажется, что они видят истинный мир, а на самом деле видят только его внешнюю мишуру. Но поразительно то, что именно они, те, кто подвержен иллюзии — отличаются болезненной, нездоровой самоуверенностью. В чем причина — непонятно, но это так! И никак иначе. Иначе не может быть, они этой своей маниакальной убежденностью заражают других — и близких и дальних — и уже за ними плохо соображающая толпа. Люди грешат незнанием меры — вот причина разрушения естества.

— А вы, оказывается, всех со стороны, если не сказать сверху, видите, да?

— Ну, это сразу и не скажешь... По-всякому. Вернее, как получится, смотря кого, когда, при каких обстоятельствах.

МЛАДШИЙ БРАТИШКА

— Не бойся, тебя поведет мой младший братишка. Надежный мальчик, он проводит тебя, а если надо будет — поможет.

— А почему он такой старый? Намного старше вас.

— А, это только кажется с виду. На самом деле я же говорил, он на 28 лет младше меня. Я уже взрослый был, когда мать его родила.

— Но он же дряхлый старик. А вы еще ничего.

— Ну это с виду. Правда, он был непослушнее меня, часто пропускал время принимать лекарства. Вот и результат сиюминутной лени. Ведь все в этой жизни достигается только долгим упорным терпением, послушанием и исполнительностью.

— А мать ваша совсем девушкой выглядит.

— Ну, с нею не сравниться. Она этого достигла таким упорным трудом! Ежечасными упорными процедурами и упражнениями. Да такими, что лучше и не надо бы. Но что делать, она сама довольна результатами, да нас поучает... Она суровая мать, часто нас с братом наказывает.

— За что?

— За нерадивость, лень, азарт, за нежелание следовать ее предписаниям. Правда, мне иногда удается избежать наказания благодаря умению прикидываться, изворачиваться, подлаживаться. А это очень важно. А брат прямолинеен и простоват, — вот и нарывается там, где можно было бы избежать наказания.

— А вы хитрец.

— Нет, просто я более понятлив и не сопротивляюсь, а приноравливаюсь под обстоятельства. Пристраиваюсь.

— А зачем наказывают?

— Затем, чтобы поправить тебя, чтобы ты осознал ошибку. Но зачем доводить до наказания, этого можно избежать.

— Как?

— Уйти в сторону от траектории, и наказание пронесется мимо. Ибо ты, поняв, за что, почему, зачем, чуть только отходишь, и все. Понял?

— Не совсем. А братик ваш так не делает?

— Он упрям. Из-за вредности делает наоборот, назло. Этим и усугубляет вину. Пытается утвердиться на своем, оправдаться и углубляет свои же ошибки вместо того, чтобы вовремя исправиться. Нет, я не такой.

— Вы — хитрец, вы приспособленец.

— Просто доверяю своей матери. Она зря наказывать не станет. Обидно, больно, но я уверен: за дело. Так надо... Это иной уровень. Послушанием я не усугубляю вину, не пытаюсь оправдаться, а доверяю опыту и пониманию матери. А брат — нет. Он начинает обижаться, жалеть себя,

считать незаслуженно обиженным. Это-то и подтачивает душу! Она расслаивается, копит в себе свои же ошибки. Запомни! Нельзя оправдываться, упорствовать в своих ошибках, если даже не сумел их понять. Надо доверять старшим, более знающим и опытным. Только так можно легче избавиться от ошибок. А в противном случае ты все глубже погрязнешь в ошибках и идешь ложным путем к надуманным целям.

— Ладно, — прервал себя старик, — братик мой проводит тебя до подножия Куньлуня, до начала восхождения. А я буду навещать тебя по временам, когда тебе будет тяжело. Особенно на распутьях, в дни сомнений... — Старик впервые по-настоящему посмотрел ему в глаза. — Да... трудный путь тебя ждет. Но ничего... Я теперь уже не уговариваю тебя отказаться от него. Тебе уже поздно возвращаться. Теперь у тебя путь только вперед. Идти до конца и испить чашу до дна. Буду помогать.

— Как? Вы же остаетесь здесь...

— Ничего. Найду способ. Где подам спасительную мысль, где подскажу, что надо, помогу найти воду, дичь, нужные для пищи и исцеления растения.

— Странно. Что-то я не пойму. Как же вы придете ко мне, я же буду далеко?

— Постепенно научишься вызывать меня в мыслях, мы даже будем беседовать, спорить, даже ссориться и мириться не менее, чем явно. По большому счету, все в этом мире иллюзорно. А ты уверен, что вот в это мгновение видишь вокруг себя реальный мир: эти цветы, деревья, лужайку, ручей? Меня, брата, наконец?

— Конечно! Вот же всё, вот вы.

— Да? Какой ты самоуверенный! Видит и ощущает! Все у него схвачено и никуда от этого не денешься, — старик повернулся к нему и иронично посмотрел своими зеленовато-голубыми глазами. — Удивительный ты тип. Значит, все, что видишь и ощущаешь, существует, да?

— Конечно!

— Да?... Ну тогда покажу тебе нечто иное, послушаем, что ты скажешь на это, — старик встал во весь рост и оказался на голову выше своего брата. Провел рукой над собой и... и все окружающее на мгновение словно свернулось и исчезло... Где поляна с разнотравьем цветов и гомомом птиц? Где водопад, и даже озеро с речкой, деревья и сам старик с братом?

У Синь изумленно озирался. Кругом торчали голые камни, а на месте, где было озеро с ручьем — глубокий овраг. У Синь испугался, голова ушла в плечи, даже издал вместе с возгласом удивления некий свист.

— Ну, что теперь скажешь, мудрец? — послышался откуда-то сверху задорный голос старика.

— Мне нечего сказать. Я ничего не понимаю.

— Вот как заговорил. Видишь, спесь твоя выветрилась — это тебе на пользу. Ну что, какой ты вывод сделал?

— Что не так прост этот мир, как кажется.

— Да, вот именно, многое, что окружает человека — только кажущаяся реальность.

— А какова она, настоящая реальность?

— Ну, так тебе все сразу и выложи, да? Нет и нет. Ты даже не подозреваешь, какова она, настоящая реальность!.. Да и рано тебе, а может, и не нужно знать ее... Так, только необходимую малую толику, не больше.

— А если доживу до почтенных лет, тоже никогда не смогу познать полную истину?

— Полную — никогда! Она недоступна даже для нас.

— Странно... а ваша мать? Знает ли она?

— Она знает больше нас, но и ей полная истина недоступна.

— Тогда кто же знает-то ее? Есть такие?

— Есть. Но это не твоего ума дело. То, что ты не умеешь чувствовать границу дозволенного, много страданий и бед принесет тебе. Но, настрадавшись вдоволь, набив себе лоб, ты постигнешь пределы твоей мудрости, если... Если, конечно, ты сможешь выжить и дожить до тех лет. Но у тебя есть шанс. Я тебе помогу. Но прежде всего, сам думай, сам. Умом можно обойти опасности, предотвратить беду.

— Я буду стараться.

— Ну ладно, иди...

У Синь набросил на плечи куцую котомку с сушеными запасами еды и пошел по сухому дну только что бывшего озера, затем по руслу бывшей реки.

Поднявшись на перевал, оглянулся и вскрикнул от удивления. Вода озера синела, отражая небо, тек ручей, высоченные тополя и кипарисы качались на ветру, а внизу благоухала зеленая долина. У Синь глубоко вздохнул. Он любовался этой красотой, будто прощаясь с ней...

Когда солнце начало клониться к закату, стал искать место ночлега, но такового не было. А между тем наступал адский холод, и ночь лучше было бы переждать в какой-нибудь пещере, сохраняющей тепло до утра. Но вокруг была каменистая плоская поверхность. Негде было здесь спрятаться. Но где же сопровождение обещанного “младшего брата”? У Синь, боясь замерзнуть, решил идти, пока есть силы. Может быть, набредет на какой большой камень, который укроет его хотя бы от ветра?

Он шел и шел. Боялся упасть. И вдруг, может, померещилось? В сумерках далеко впереди загорелся огонек. Еще усилие — и он у костра, у которого сидел “младший брат”. О счастье — вытянуть ноги и ощутить горячее тепло!

— Как же ты тут оказался, ведь ты остался в долине?

— Несколько дней ожидаю. Брат велел тебя плотно накормить. — Старик откуда-то достал нанизанное на шампур мясо и стал жарить на огне. Тут же на камне на белой кошме было накрыто славное угощение.

У Синь был весьма озадачен: ведь утром вроде расстались, а он говорит, что ждет уже несколько дней? Или он мог одновременно быть и тут и там? Но, видимо, лучше не выпытывать подобные подробности. Все равно не скажет. А скажет — не поймешь.

Наевшись, У Синь уснул и проспал бы неизвестно сколько, но разбудил старик.

— Все, путник, просыпайся. Сегодня у тебя трудная дорога, ибо к закату ты должен дойти до цели. Завтра эти предгорья будут прочесывать солдаты.

— Сегодня неужели дойду?! — обрадовался У Синь. — Наконец-то!

— Да, если не сможешь, подсобим, но думаю, что сможешь... — туманно сказал старик и очень подробно описал дорогу.

День последнего восхождения был очень трудным. У Синь шел без остановки. К вечеру совершенно выбился из сил, но упорно карабкался вверх. Начались скалы, тропа становилась незаметной. У Синь шел как лунатик и боялся только одного, что оступится и сорвется вниз по крутому склону.

Наконец, когда совсем почти стемнело, перед ним возник зубчатый край чаши — жерло кратера. Внутри зияла темнота, было неизвестно, какой она глубины.

У Синь достал веревку, привязал к камню и стал осторожно спускаться вниз. Его опасение, что веревки не хватит, конечно, подтвердилось, и он повис на неизвестной высоте. Что делать? Вверх уже ни за что не подняться, а силы стремительно таяли. Измученные пальцы рук сами собою разжались, и У Синь, зажмурив глаза, полетел вниз.

ЗОЛОТОЕ ЧРЕВО

К счастью, упал не на острые камни, а на пологий склон, по которому благополучно скатился вниз. Долго тяжело дышал и отходил от боли во всем теле. Наконец, поднялся и в полумраке увидел перед собой черную песчаную поверхность, обрамленную крутой каменной стеной округлой формы...

И дно тоже было не плоское, а округлое и посередине блестело синевой наподобие озера. Снизу веяло непонятной угрозой. Стало страшно, но назад пути не было. И У Синь стал осторожно спускаться вниз.

Всюду был песок, только необычного черного цвета, что придавало все-

му мрачный вид. Посмотрел вверх. В отверстии кратера светила ущербная луна, идущая на убыль. Пошел наугад. Шел, кажется, целую вечность и вдруг впереди в сумерках увидел людей. И безо всякого опасения поспешил к ним. А те, совершенно неожиданно для У Синя, разразились диким хохотом. Их было четверо. Один был на голову выше остальных. Другой весь изжеванный, напоминал старого солдата, третий был одноглазый, трясущийся инвалид, четвертым был благообразного вида старик.

Странно это было. Почему они даже совсем не удивились его появлению? У Синь стал внимательно вглядываться в лица людей, но в них ничего, кроме неистового веселья, не было. Было даже злорадство. Словно им было очень приятно его несчастное состояние, состояние новичка, который еще ничего не понимает в том мире, куда они попали ранее и успели постичь Нечто.

— Ха-ха-ха! — надрывались и давились они от смеха, не в силах что-нибудь сказать.

— Вот Бог послал к нам еще одного дурака! — выговорил, наконец, Длинный. — А то мы подумали было, что в мире, кроме нас, уже дураков-то не осталось, А, Солдат?

— Да, мир все еще не без дураков, — довольно прошамкал тот, которого назвали Солдатом, беззубый и кривой, весь помятый, словно его лицо прошло через жернова мельницы.

У Синь никак не мог понять, отчего потешаются и злорадствуют эти несчастные при виде еще одного подобного себе.

Вдоволь насмеявшись, обитатели при свете ущербной луны стали внимательно осматривать его, затем одежду, но особенно их внимание было приковано к котомке.

У Синь догадался, что они все голодные и жаждут немедленно поесть.

— Хотите, я угощу вас. У меня есть сушеное мясо...

— Мясо?! — Третий весь затрясся от восторга и засверкал единственным глазом.

— Еще есть сушеная рыба.

— И рыба?! — воскликнул Длинный, недавно еще надменный. Он чуть не плакал от волнения. — Как давно я не ел рыбы... даже вкус забыл. Но это было нечто такое... что даже описать нельзя.

— А еще есть немного хурута.

— Вот это молодец! Молодой, но какой запасливый и разумный! — похвалил его четвертый, самый старший и по виду более рассудительный и добрый. — У нас ни у кого не было такого богатого разнообразия припасов.

Когда У Синь хотел раскрыть мешок, Длинный решительным жестом остановил его.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно.

— Как же? Я хочу вас угостить.

— Если хочешь, чтобы твои сокровища достались нам справедливо, то послушай нас... Мы устроим торг! Великолепный настоящий торг.

— При чём тут торг? Я ничего не хочу продавать, отдам даром, — сказал У Синь.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно. Мы не какие-нибудь нищие, побирающиеся подаянками! — строго и даже сердито повысил голос Длинный. — Если хочешь добра нам — продай! Главное, мы тут все состоятельные люди. Мы могли бы купить многое: земли, дома, даже целые города с людьми. Не смотри, что мы больные-кривые, мы на самом деле великие богачи! Вас, — Длинный перешел на "вы", — вас устроит золото?

— Можем расплатиться золотым песком или даже самородками! — сказал Солдат, вытаскивая из кармана что-то тяжелое и вправду похожее на золото.

— Мне нечего сказать. — Изумлению У Синя не было предела. — Но... как хотите.

Дальше все пошло быстро и четко, как по заранее отработанному плану. Подвели его к круглому плоскому камню, напоминающему круглый стол, где он, как купец, выложил свой товар. Длинный вызвался в помощники и

стал заправлять от его имени. Эту роль он выполнял добросовестно. И дело пошло...

Сначала по круту было распродано сушеное мясо, предварительно разделённое на пять частей. Пятую часть помощник сунул обратно в мешок...

Затем так же начали покупать сушеную рыбу. Помощник давал каждому попробовать по маленькому кусочку. Все были в восторге и необычайном возбуждении.

В торге принимал участие каждый, высказывая свое мнение, то ли подбадривая покупателя, то ли делая замечание. Но все же было слишком много абсурдного. За одно мясо было выручено золота примерно с человеческий кулак. Трудно было поверить, что эти оборванцы могли обладать такими несметными богатствами. Но все оказалось правдой. У Синь попробовал на зуб. Металл был податливый, явно тяжелее обычного камня и поблескивал при свете луны.

Все были чрезвычайно довольны результатами торга. Никто не стал тут же поедать приобретенную еду, разве только попробовали. Затем явно ослабевшие от возбуждения обитатели стали медленно расходиться.

У Синя насторожило то, что обитатели смотрели на его сияющее от счастья лицо с какой-то странной усмешкой. Несомненно, они чувствовали свое превосходство над ним, по сравнению с ними ничего не понимающим. Несомненно, они знали Нечто, что давало им возможность смотреть на него свысока.

Он растерялся и, оставшись один в полной темноте, с опаской долго прощупывал пальцами золотой песок и пробовал на вес и зуб самородки еще и еще раз. Никаких сомнений не было. Это — золото. Золото — мечта всей его жизни. Он — состоятельный человек! Он достиг цели жизни! Добился своего. Даже больше. За столько золота сможет теперь купить все.

Он так был воодушевлен и возбужден обретением невиданного богатства, которое свалилось на него неожиданно и неожиданно, что не чувствовал холода. Лежал на плоском камне, смотрел в звездное небо и грезил прекрасным будущим.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ

Это была удивительная ночь. Светила ущербная, но яркая луна. Далеко мерцали звезды. Ах, как триумфально он вернется назад и обустроит совершенно новую, ни на что не похожую жизнь!

Первым делом — купит перевоз у Старого Лодочника. Определит ему пожизненное безбедное обеспечение. Пора создать новую паромную переправу, затем построить мост. Это значит — все торговые пути лягут через него... Но он подберется и к “Веселому заведению”. А что он с ним будет делать?.. Ну, потом видно будет. Главное — размах... А там!

Голова шла кругом. Под утро, скрючившись, заснул. Когда проснулся от холода, уже начало светать. Первым делом стал вновь рассматривать свое золото. Все было настоящим. Сомнений не было! От этого опять объяла его жаркая радость.

Сложил золото в свой кожаный мешок и пошел назад по вчерашнему направлению. Странная ухмылка вчерашних участников торга не выходила из головы. С чего бы это? Почему они так странно улыбались? Может, они сегодня вернутся и отнимут золото? Все возможно. Во всяком случае, их облик не вызывал доверия. Такие могут всё. Они — познавшие нечто запретное, ни перед чем не остановятся...

Нет, здесь ему больше нечего делать, надо скорее уходить. Главное, суметь спасти вдруг приобретенное богатство. Ноша была тяжела. Но теперь, если сумеет перевалить через край этой чаши, то тащить вниз будет намного проще. Во всяком случае, можно спускать груз вниз по веревке. Или даже бросить вниз, а затем найти, спустившись после.

Ему повезло — совсем недалеко от того крутого склона он нашел более пологий, по которому можно было хоть с трудом, но пробираться вверх между огромными валунами. Когда с великим усилием удалось достичь края, он увидел, что о спуске вниз нельзя было даже помышлять. Ибо это была верная гибель. Так было высоко, что звук камня, брошенного вниз и наконец достигшего дна, почти не был слышен.

Вот это да! Он, будто призывая небо в свидетели, поднял голову, но на небе не было ни луны, ни солнца, а только низкие сырые облака. И те были более счастливы, чем У Синь — они могли странствовать, где хотят, а У Синь сидел, прикованный к мешку с золотом, как каторжник к своему чугунному ядру.

А каким чудом он взобрался сюда? Что им двигало? Какая жажда и страсть? Видимо, только помощь двух братьев подняла его в эту адскую чашу. Да, он уже назвал ее адской. Ведь ясно же — отсюда нет выхода. Стоило столько стремиться, пройти через невозможные преграды, обрести богатство и понять, что попал в западню. Вот отчего над ним смеялись. И правильно смеялись.

БАРСА КЭЛМЭС

Вдруг он ощутил, что как будто кто-то приказал ему успокоиться. Он стал размышлять. Должен же быть иной путь. Как-то же даже эти доходяги сюда взобрались? Но, опять же, почему не ушли? И неужели его ждет их участь? Неужели отсюда нет возврата? Может быть, именно про это место говорили хунны: “Барса Кэлмэс”?

Он вспомнил зловещую легенду... Нет, там был остров в море, откуда никто не возвращался. Но какая сейчас разница? Что с острова, что из небесного котла...

Тучи постепенно прогонялись ветром, и оказалось, что уже высоко поднялось солнце. Стало видно, что земля простиралась где-то далеко-далеко внизу за синим морем. А под ним была пропасть. Вот тут-то и рухнула последняя надежда. С такой вышины нет возврата...

Он лихорадочно озирался, все-таки надеясь отыскать путь спасения. В котле никого не было видно. словно вчера были не люди, а призраки. Он стал звать, но никто не отозвался. Спустился немного вниз к синющему вдали озеру. И каково же было его удивление, когда вместо воды обнаружил огромное количество голубых камней — изумрудов.

Но какой же ужас он испытал, увидев повсюду белеющие скелеты людей и черепа, иссушенные солнцем. Среди костей валялись золотые самородки. Он стал торопливо собирать их в кучу. Но затем, устав, разогнулся и увидел, что таких куч множество...

— Здесь золото ничего не значит, — сказал он вслух. — Ни-че-го. — Он сел, взял в руки череп побольше, насыпал в него мелких самородков и позвонил как в колокольчик. Дробный глухой звук напомнил звонкий колокол на далекой заставе Сангуань. Там колокол звал на обед. А здесь что есть? Глотать кости? Глотать самородки? Он свою еду вчера выменял на золото, которое здесь валялось везде...

Здесь, кроме безумных от алчности обитателей, которые нечеловеческим усилием взобрались сюда, не было ничего живого. Ни мышей, ни змей, никаких иных зверей и тварей.

Он стал искать вчерашних обитателей, облазил почти весь котел, но никого не нашел, словно все куда-то провалились.

Его окружала удручающая картина: огромные валуны и черный песок, а внизу изумрудное озеро. Из которого еще никто никогда не напился.

А золотых самородков здесь было так много, что он скоро перестал их собирать. Ходил, запинался за них и отпινывал в сторону. Они хорошо были заметны на фоне черного песка.

КРОВАВЫЙ ПИР

Вдруг он встрепенулся, услышал гортанные крики, второй, третий. Слово кого-то звали или перекликались. Оказалось, это были огромнейшие грифы с голыми шеями, крайне неприятного и страшного вида. У Синь затаился.

Грифы деловито облетали, внимательно осматривая каждый валун. Вдруг радостно вскрикнули и сели неподалёку. И тут же, вытягивая длинные шеи, стали что-то тяжелое тащить из-за груды камней... Они кряхтели, кашляли почти как люди.

Скоро появилось что-то лохматое, бесформенное... Оказалось, это был труп вчерашнего одноглазого трясуна. Волосы У Синя встали дыбом. Он отвернулся, чтобы не видеть подробности этого страшного пира. Кинулся прочь, чтобы не слышать звуки ударов клювов и жуткие восторженные причмокивания. Бедный Трясун... Вот и завершились его земные похождения.

— Вот так и живем.

У Синь прямо подскочил от неожиданности, вдруг услышав разумную человеческую речь.

Это был вчерашний старик, вылезавший из-за камней. У Синь рассказал ему, как грифы выволокли Трясуна и стали рвать на куски.

— Это хорошо. Наконец прекратились долгие страдания несчастного странника. — Старик, увидев удивленное лицо парня, печально добавил: — А что у него было? Тюрьмы да неволя, каторга. Как и мы, хотел разбогатеть. И что? Такая участь ждет каждого из нас. В конце концов хорошо, что хотя бы для этих птиц мы представляем интерес... Ужасно, но это так... Хотя в ином качестве вернемся назад на землю. Иного будущего у нас нет.

В это время рядом с ними возникла фигура вчерашнего Длинного, который при свете дня оказался не выше его. Но был он такой же ехидный, как и вчера.

— Ну что, купец, распродал свой товар и уже, наверное, проголодался? Зато ты бога-а-тый, — с издевкой протянул он. — Вчера бедный, а сегодня столько золота! Хэ-хэ-хэ!

— Ладно, ладно. Вчера поиграли от души, пошутили и хватит! — прервал его старик и увел У Синя прочь. Они подошли к глубокой пещере, дно которой уходило глубоко вниз.

— А кем он был там, на земле?

— Трудно поверить, но был самым настоящим и даже очень крупным купцом.

— Ах, вот почему он так хорошо организовал торг! — сказал У Синь. — И как же этот крупный купец оказался тут?

— Думаю, не от хорошей жизни. Наверное, он разорился или какое несчастье случилось, но он не любил говорить об этом.

— Ну, а вы сами кем были?

— Я был старостой горного поселения. — Старик горестно вздохнул. — Знал бы ты, как хорошо я жил... Но я не люблю вспоминать об этом.

— А я небогато жил, но теперь кажется, что так счастливо. Служил, работал с родителями, был перевозчиком. Но что теперь, ведь отсюда нет выхода. Нет спасения. Буду ждать смерти, а потом грифов.

— Так-то оно так. Но если вдруг нечто произойдет и ты спасешься?

— Нечто? Дух святой прилетит? Не рви душу.

— Но вдруг... Надо надеяться до конца, — глаза старика задорно блеснули.

— Бред это, — махнул рукой У Синь. — Какая надежда, когда ясно, что отсюда нет выхода. Я сегодня утром поднимался на край кратера. Там пропасть. Как я оказался здесь — не понимаю.

— Человек живет надеждой на лучшее. В нашем случае — на спасение. А спасение возможно только через веру. Нельзя без веры.

Старик, вполне довольный, лёг на плоский камень и подложил под голову гладкий черный булыжник.

— Сейчас самое лучшее время. Ночной холод ушел в тень, а жара еще не настала. Вот днем тут такое пекло будет... Тогда спрячемся за прохлад-

ными камнями. Теперь благодать!.. Хорошо! Вот я теперь вспоминаю, какую бесполезную, бестолковую я жизнь прожил!.. сколько глупостей наделал. Пренебрегал тем, что имел, зарился на чужую долю. А она, оказывается, никогда не приносит счастья, а, наоборот, разрушает твоё утро.

— А вам сколько лет, почтенный?

— Мне уже шестьдесят, но даже в столь преклонном возрасте не нажил ума... Всем был недоволен, ничему не верил, кроме золота. Иначе бы я был в своём поселении у себя дома, а не пустился, как мальчик, в эту авантюру за золотом... Ведь жил же... был уважаемым человеком, работал ради людей, но казалось — мало меня ценят, не воздают по заслугам. Все завидовал купцам и богачам. Зависть заела... Зависть, страсть разбогатеть... Вот и сорвался... Все потерял, что нажил, чего добился всей жизнью. О, какой я дурак...

У Синь вспомнил совсем непочтенного, несерьезного, смешливого, даже ребячливого старика двухсот лет от роду и его младшего братишку. “Все в этом мире относительно”, — подумал он. А ещё подумал, что думает уже как древний мудрец, постигший множество тайн бытия.

Ну, что ж. Надо было как-то устраиваться. Старик поделился с ним его же проданными запасами и предупредил, что здесь совсем нет воды. Только ночью собирают росу, кладут тряпку на влажные камни и потом её выжимают.

— Занимай пещеру, в которой жил покойный Трясун.

Но У Синь не захотел пойти в неё и остался на солнце.

О-о, что началось днем! Это было нечто невообразимое. Воздух так накалился, что обжигал дыхание. По горячим камням нельзя было ходить, все вокруг пылало жаром.

Когда стало совсем нестерпимо, до того, что стало дышать нечем, пришлось, конечно, убежать в спасительную прохладу пещеры.

Иногда со дна пещеры поднимался отвратительный, ни на что не похожий запах. Там на дне непрерывно булькало, дышало. Ощущалась постоянная дрожь, а иногда и толчки.

Так прошел день, другой, третий... На третье утро обнаружилось, что умер и Длинный. И опять налетели грифы и начали свой кровавый завтрак у всех на глазах. К своему удивлению, У Синь воспринял новую трагедию спокойно, почти привычно, уже не так, когда умер Трясун.

Трое оставшихся во главе с Солдатом обследовали пещеру Длинного. Каково же было их изумление, когда они обнаружили припрятанные запасы еды. Как понять то, что человек умер от голода, имея солидное количество съестного? Было очень странно и дико... Впрочем, здесь все было возможно.

Все добытое поделили поровну и справили поминки. А к концу дня Солдат начал беспокоиться: “Неужели никто больше к нам не придет? Неужели там внизу уже не осталось авантюристов, готовых ради золота пуститься в любой трудный, почти безнадежный путь?”

Настал седьмой день... Все заметно сдали, старик перестал ходить... Солдат начал заговариваться... Видимо, начал сходить с ума.

Дни стали казаться все длиннее. Дождаться дневной жары и ночного холода становилось все труднее и труднее.

НОВЫЙ БЕЗУМЕЦ

Однажды под вечер раздался вполне разумный радостный крик Солдата: — Эй, все сюда! Скорее сюда! К нам пожаловал очередной купец! А какой он оказался добрый молодец!

У Синь поднял старика, и они медленно подошли к круглому камню.

Это был худощавый человек средних лет. Конечно же, хуннских кровей и даже рода. Рода У Сун...

Видимо, их внешний вид не вызывал у пришельца особого расположения. Он испуганно озирался по сторонам, готовый на все...

— Ладно-ладно! Хватит скалиться на него, — прикрикнул на Солдата

старик. — Он же гость. И притом долгожданный, дорогой гость и только потом купец... Сейчас ты оглянись, а затем начнем торг.

— А я... Я не купец. Мне нечем торговать...

— Ничего-ничего, ты не торопись. Если присмотреться, у каждого хоть что-нибудь найдется, что заинтересует другого... — сказал старик многозначительно.

Солдат поддержал старика:

— Не думай, что мы доходяги какие. Может, и выглядим неважно, но все мы солидные, очень состоятельные люди. Все мы обладаем несметными богатствами.

У Синь смотрел на новичка, на неопишемое выражение его лица и вспоминал себя самого всего несколько дней назад. Он за это время познал столько неожиданного, что совершенно преобразился и стал другим человеком.

— Ладно, давай не тянуть, может, начнем? — предложил Солдат с присутствующей ему прямолинейностью и подкинул с ладони на ладонь самородок округлой формы. — У нас есть то, за чем ты сюда взобрался, вот в эту заоблачную даль.

— Что это? — У парня знакомо заблестели глаза подверженного страстью к желтому металлу. Он догадался и сразу вспотел.

— Но у меня же ничего нет... Ничего. Почти... — сокрушался парень и дрожащей рукой достал свой заплечный мешок.

— Давай-давай, выкладывай, что у тебя там?

Парень достал из мешка, видимо, самое дорогое, что у него было: нож, длинную кожаную веревку, шило, трут. Но, увидев, что все это богатство не вызвало никакого интереса, совершенно пал духом.

В конце из небольших мешочков достал немного бобов и риса — совершенно бесполезного здесь, где не было ни огня, ни воды, чтобы его приготовить.

Но, тем не менее, с деланным воодушевлением они начали торг.

У Синь почти не участвовал, а только наблюдал. Ему было очень неудобно, что он так много знает и понимает из того, что пока недоступно новичку. Как он хватал очередной кусок золота! Как он весь дрожал! Бедный. Пока бедный. Но скоро он разбогатеет и станет... еще беднее.

Все же У Синь выменял за самородок длинную веревку. Видимо, что-то помимо его воли жило в нём и надеялось на перемену жизни.

Больше всех был воодушевлен Солдат. Вошел в такой азарт, был таким разумным и обстоятельным, что трудно было подозревать, что он на самом деле сумасшедший. После торга, оставив нового богача один на один с кучей золота, все разошлись по норам. Наступило благодатнейшее мгновение, когда после дневной жары наступила желанная прохлада, но еще не было холодно.

В этот вечер звезды сияли с особой силой.

— Наверное, внизу на земле будет ветер, — с тоской заговорил старик. — Под ним будут качаться деревья в лесу, травы в тени... волны в реках и морях. Какая досада, что это Божье творение мы не понимали и не ценили. Здесь всегда неподвижен воздух. А как хотелось бы настоящего ветра...

Они сидели на плоском камне, на котором свершались торги.

— Я вот долго-долго думал и придумал для тебя единственный способ спастись, — сказал старик. — Опять не то говорю. Не я придумал, а Всевышний Тэнгри сжалился над тобой и вложил в меня эту мысль.

У Синь промолчал, ибо уже ничему не верил. Он подумал, что старик тоже, как Солдат, начал заговариваться — о каком спасении можно говорить, когда здесь столько скелетов и ни одной даже легенды о том, будто кто-то когда-то спасся...

— Ты не веришь. Но слушай, что я придумал. Спасти тебя могут только грифы. Надо суметь сделать петлю и суметь заарканить одного из них, но только не за шею, а за ногу... Это будет трудно, но если суметь, то гриф, большой, сильный, тебя поднимет. Возьми с собой заплечный мешок с самородками затем, чтобы, когда гриф начнет выбиваться из сил, скидывать их. Главное, чтобы ты снова ступил на землю. Теперь ты понял, что золото — ничто, иллюзия, которая столько душ сгубила и еще сгубит... Вот в чем бе-

да-то! Но, видимо, никто не образумится. Постарайся остаток жизни прожить разумно, осознавая ценность каждого мгновения жизни, отпущенного тебе. А главное — молись Спасителю своему, все мы в его власти. Всю оставшуюся жизнь твори добро. Только этим ты сможешь отплатить Ему Его добродетель...

У Синь молчал. Ему стало жутко от подозрения, что и старик начал сходить с ума.

— Чую, это моя последняя ночь, — вздохнул тот. — Слушай. Утром около моего тела насторожи петлю, а сам, заранее обвязавшись концом веревки, спрячься. К трупам самым первым подходит самый крупный — значит, самый сильный, он сумеет поднять тебя. А теперь молись Богу о нас с тобой... Проси себе спасения, а мне упокоения... Главное, чтобы Он услышал и обратил внимание на тебя и на твою мольбу. Для этого молиться надо от души, искренне... Он добрый, он услышит искреннюю молитву и поможет...

У Синь вышел и, обратившись лицом на восток, откуда пришел сюда и куда желал вернуться, откуда должно подняться солнце, стал молиться, как это делали все хунны.

Он не помнил, сколько поклонов совершил, какие слова говорил, творя Всевышнему молитву... Но будто нечто раскрылось в нем в эти высокие мгновения молитвы. Было ощущение, что он парил... Он потерял ощущение времени, не чувствовал ни холода, ни голода, словно поднялся над всем миром... Когда пришел в себя, уже настало утро, он весь был в поту, изнутри согревало странное тепло, ему даже был приятен легкий ночной мороз. В эту ночь было так холодно, что даже камни покрылись инеем.

СПАСЕНИЕ

Спустившись в пещеру, У Синь обнаружил уже окоченевший труп старика. Он легко поднял его и вынес наружу. Распутал длинную веревку, которую выменял вчера, соорудил петлю у трупа, другим концом обвязал себя и мешок с четырьмя крупными самородками. Мелкие он не стал брать. Стал ждать и продолжал неустанно молиться.

Поднялось солнце. Он услышал знакомые крики планирующих над трупом старика птиц. Спрятался за камни.

Получилось очень удачно, ровно так, как было задумано. Когда к трупу старика подошел самый крупный гриф, У Синь дернул веревку и удачно заарканил его за ноги. Гриф, от неожиданности вскрикнув почти по-человечески, отчаянно замахал огромными крыльями и тяжело поднялся в небо вместе с У Сином.

Видя, как тяжело грифу, как он даже стонет, пытаясь подняться, с усилием взмахивая огромными крыльями, У Синь понял, что переборщил с грузом, и бросил вниз крупный самородок. Это сразу почувствовалось. Гриф поднялся выше, они перевалили за край котла, и гриф стал планировать вниз от высоты, подернутой дымкой. Земля стремительно приближалась, уже ясно проступали угрожающие клыки каменных вершин. Разобьемся, понял он и сбросил еще один самородок. В мешке осталось только два.

Грифу опять стало легче, и он уже более плавно летел в сторону зеленеющей вдали долины. Вдруг под ними показалась река со стремительным течением. Конечно, это была Хуанхэ. Ее желтые воды стремительно приближались. Утонем, испугался У Синь и бросил оставшиеся два самородка, которые бултыхнулись в желтые воды Хуанхэ. Вконец выбившийся из последних сил гриф летел над самой водой, но дотянул до берега. Вот и берег с благоухающими цветами и высокими травами. У Синь достал нож и, отрезав веревку, свалился на землю. Свалился и гриф. Но силы к нему вернулись быстрее, чем к У Сино, и он улетел. Видимо, доедать труп старика.

Какой здесь были запахи! Какое благоухание! Это после испытанного в кратере смрада. Впервые столько оттенков почувствовал он. Спустившийся с небес? Или поднявшийся из ада? Он долго лежал без движения, еще не веря в свое чудесное спасение.

Тут он услышал журчание воды. Это был родник. Он еле поднялся, шатаясь, дошел до родника и долго пил... Какое это было наслаждение! Никогда в жизни он не был так счастлив.

Добрел до берега реки, забрел в нее, снова жадно напился, умылся. Как же было радостно ощущать прохладу, дышать воздухом пространства. Прямо у ног он увидел большую рыбу и прямо руками поймал её. Развел костер, зажарил рыбу на углях, наелся досыта. Все было внове. Все имело сто оттенков вкуса, цвета, столько ощущений, о существовании которых он раньше и не подозревал даже.

Началась совершенно новая жизнь. Новая, неведомая, незнакомая и прекрасная жизнь. Он начал изо дня в день, не переставая удивляться, заново открывать для себя ее, эту чудную, чудесную, прекрасную жизнь...

И, как оказалось, единственную и неповторимую... такую несравненную — а раньше он не понимал, не знал, не ведал этого.

ГДЕ ЦЕНТР МИРОЗДАНИЯ?

Вот и открыл он Центр Вселенной... Этот кратер? Да нет, центр оказался у него дома. Блаженный край, куда стекаются все блага мира, не зря китайцы определили свою родину как срединную землю, куда съезжаются со всех сторон за удачей, счастьем, за лучшей долей все китайцы и некитайцы, которые в конечном счете сливаются в единое целое. Многие неразумные не понимают, что уже по праву рождения обладают великим благом. Но человек такая тварь, что никогда не ценит то, что достается ему даром.

И идет... искать лучшую долю, которой нет. Да, есть такие. Но кто знал, что лучше этой — нет и не может быть. Это понимание приходит к человеку ценою невероятных страданий. Чего искать, когда за тебя найдена, тебе подарена Всевышним твоя родина!

Почему же так устроена натура человека, что он более ценит призрачное, ложное, ему ближе иллюзорное, чем реальное, обыденное окружающее? И начинает ценить, только потеряв безвозвратно силы и здоровье, энергию. Почему так?

У Синь тяжело, как-то по-стариковски вздохнул и успокоил себя мыслью, что и большинство людей прозревает всегда слишком поздно. Когда жизнь проходит. Понимание истинных ценностей и есть великое благо, которое он обрел все-таки не в старости. Он натерпелся многих страданий. У него будет болеть надорванная спина, многочисленные ушибы колен, суставов, шеи, спины... Но отныне он будет жить иначе, ценя каждое мгновение, данное ему Всевышним. Отныне он обрел понимание своей высокой доли, подаренной Спасителем. Было время, когда он все это воспринимал совсем превратно, как несчастье, неволю. Многие проживают жизнь, словно отбывают наказание, и вместо того, чтобы радоваться — страдают.

У Синь собрал сухой плавник, гибкими тальниками связал крепкий плот и пустился вниз по течению... Сидя на плоту, смотрел на меняющийся облик родной реки и не мог наглядеться. Так она красива! И это е го река! Он был счастлив. Он даже плакал, слезы радости струились по лицу.

Затем, вдоволь налюбовавшись вечерним закатом, засыпал крепким сном. А река, нежно покачивая плот, несла его вниз по течению к родным пределам.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Левый пустынный, немного суровый берег — хуннский. Отсюда начинаются степи его хуннских предков. Но, опасаясь всяких неожиданностей, он держался ближе к правому — китайскому берегу. Правый берег был полностью обжит. Чувствовалось, что каждый клочок земли ухожен, каждая травинка под присмотром.

Узнавать родные очертания он начал однажды рано утром. С густонаселённого правого берега махали, приветствуя проплывающего мимо путника.

И вот скалистый высокий правый берег...

Издаലെка виден Веселый Дом. Но его огни уже не волновали У Синя, как прежде. Он был равнодушен, чему сам удивился: ведь было время — он почитал обитателей этого заведения как обретших вершину человеческого счастья. Он завидовал завсегдашнему этому райскому уголку. Он мечтал... О-о, как он мечтал хоть чем-то походить на них: походкой, повадками, гонором и говором...

Но теперь он смотрит на это сословие иначе. Теперь У Синь знает цену всей сущности богатства. Пристань! Сердце радостно забилось при виде лодок с поднятыми веслами.

Наверху, на своем излюбленном месте так же, как год назад, сидел Старый Лодочник...

— Здорово, добрый молодец, с возвращением!

Они обнялись.

— Вижу и чувствую, помотало тебя! — старик улыбнулся доброй, широкой улыбкой. — Ты изменился... Это очень хорошо. Человек должен успеть вовремя измениться.

У Синя очень удивило, что буквально с первого взгляда Старый Лодочник безошибочно по его глазам, по его внешности определил другим невидимую перемену, произошедшую в нем... Удивительно.

Старый Лодочник и разговаривать с ним стал совершенно иначе. Как с равным себе. А раньше только с усмешкой. Отшучивался и говорил: “Ну, это для тебя ныне недостижимо, ты сейчас с другого поля ягода. Потом поймешь, если сумеешь, хотя не все доживают до понимания. И даже не все дожившие достигают понимания”.

Они сидели за вечерним чаем. У Синь не мог наговориться. Всеому изумляясь, слушала его и дочь лодочника. У Синь спросил:

— А вы, почтенный, неужели тоже были там, где я был?

— Может, и был... — Лодочник многозначительно усмехнулся. — Много всякого навидался я, хлебнул многое, очень многое. Но главное не то, где ты был, а то, что оттуда вынес... Вот в чем дело.

— А я ничего не сумел вынести, — печально, но без всякого сожаления вздохнул У Синь, вспомнив свои самородки.

— Нет, ты не понял меня. Я имел в виду совсем другое. Мешок у тебя пустой, как был. Но я вижу и нечто другое — ты вынес самое ценное, что можно оттуда вынести. Молодец ты.

— Как-то странно вы выражаетесь. — У Синь и на самом деле не понял старика: что он хотел этим сказать? — Там, где я был, о, вы бы знали, столько золота и всяких камней! Прямо валяются под ногами. Так много, что никто не подбирает, ибо там оно никакой цены не имеет. Люди даже, может, из-за обиды, что ли, как-то издевательски относятся к золоту. Ибо все туда попали из-за страсти к золоту, вот и вымещали обиду подчеркнутым пренебрежением, граничащим с ненавистью.

— Знаем-знаем... — опять многозначительно усмехнулся старик.

— Так скажите наконец, и вы тоже там были? — опять переспросил У Синь. — В Барса Кэлмэс?

— Может, и был... Но и Барса Кэлмэсов несколько. Дело совсем не в том, где ты или я точно были. Они все схожи своей полной безнадежностью. Это места крушения всех иллюзий... Горькая правда в том, что очень мало и редко кто возвращается целым и невредимым оттуда. Немногим удается спастись. Но и из их редкого числа еще мало кто выживает и находит силы продолжать жить дальше. Вместе с иллюзиями многие теряют и смысл жизни. Ну, я вижу, ты молодец... Ты из такого пекла, из такой безнадежности вырвался, что ты должен, обязан жить дальше...

— Спасибо, почтенный, за вашу доброту, за вашу мудрость.

— А где ты и как ты будешь жить?

— Как где? — У Синь удивился и даже слегка опешил, огорчился: не хочет ли почтенный отвадить его от себя? Почему бы и нет? Все может быть.

— Что смешался? Еще и не решил, где?

— Да... Я как-то об этом и не успел подумать.

— Ну, подумай. Думать тоже надо вовремя, чтобы не опоздать, не упустить свой шанс, не отстать от своей лодки... Бывают люди, которым привалит счастье, а они сомневаются, а когда проплыло — сокрушаются. — Старик замолк и посмотрел на желтые воды Хуанхэ. — Ну, если не решил, где, можешь пока у меня остаться.

— А я... я как раз хотел об этом попросить... — У Синь в это мгновение вздрогнул, чем-то пораженный, по всему его телу прошла горячая искра: он увидел, как у очага встала дочь Старого Лодочника...

Как она преобразилась!. Не было в ней прежней полноты, неуклюжести, угловатости... Она налилась удивительной красотой. Движения ее стали плавными. А кудрявые соломенные волосы были сплетены на хуннский манер в восемь тугих узлов.

Вообще удивительное произошло везде. Весь городок, все люди словно в одно мгновение преобразились. Если раньше были видны только скверные черты, грязь, непотребство людское и природное, то теперь все это исчезло, а проступились совершенно иные черты, ранее незаметные, невидимые и совершенно незамечаемые.

Даже желтые воды Хуанхэ, закаты, восходы, небеса стали совершенно иными, словно кто-то подменил. Так они преобразились, что не верилось... Куда он вернулся? Что случилось с прежней надоевшей, серой обыденностью под серым небом?..

Столько ярких, неповторимых красок везде. Изумительные восходы и закаты, удивительные небеса. Все неповторимо красиво. Все изучало радость и довольство.

У Синь не переставал удивляться. Он теперь целыми днями и даже ночи напролет сидел на берегу, смотрел и смотрел на ежеминутно меняющийся прекрасный мир. И восторгался красотой, восхищался непрерывно.

И он понял, что, наконец, обрел покой. А дальше? А дальше он женится на белокурой дочери Старого Лодочника. Придет время, сядет на его место и без всякого сожаления просидит тут всю жизнь, от восхода до заката, от ранней весны до поздней осени...

На склоне лет его тоже окрестят Старым Лодочником. Сбудется предсказание почтенных старцев в Темной Комнате, что он будет служить родному пограничному ведомству, следя за переправой как за границей.

Прослужит он на своем посту ровно столько, сколько отпущено будет ему Всевышним...

Перевод с якутского В. Крупина